

УДК 316.6
ББК 88.50
С80

Claude M. Steele
WHISTLING VIVALDI: HOW STEREOTYPES AFFECT US
AND WHAT WE CAN DO

The copyright as in the original edition.

Печатается с разрешения

W.W.Norton & Company и литературного агентства
Andrew Nurnberg.

С80 **Как стереотипы** заставляют мозг тупеть / Клод М. Стил. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 320 с. — (Нонфикшн Рунета).

ISBN 978-5-17-110451-1.

Клод М. Стил, который был назван «одним из немногих великих социальных психологов», описывает опыты и тесты, которые подкрепляют и объясняют его новаторские выводы о стереотипах и идентичности. Он проливает новый свет на расовые и гендерные разрывы в социальных отношениях, истории и даже в психологических текстах. Из этой книги вы узнаете, чем опасно стереотипное мышление, как оно влияет на ваши решения, общение и каким образом оно формируется.

УДК 316.6
ББК 88.50

ISBN 978-5-17-110451-1.

© by Claude M. Steele, 2010
© ООО «Издательство АСТ»

*Посвящается Дороти и всем
остальным по мере прибытия
в наш клан: Джори, Бену, Дайне,
Сидни, Коулмену и Метью.*

*А также моим родителям,
Рут и Шелби Стил.*

БЛАГОДАРНОСТИ

Несмотря на мое возражение, что психологи пишут статьи, а не книги, Слип Гейтс и Роби Херингсон настойчиво подталкивали меня написать эту книгу, и я благодарю их. Я также благодарю их за терпение и поддержку, которую они оказали мне, пока я писал книгу, и за идею серии книг.

Социальное психологическое научное исследование представляет собой совместное предприятие, и сотрудничество в основе моего исследования заложило почву для повествовательной структуры книги. Поэтому многие соавторы описаны на ее страницах (многие также комментируют разделы книги). Но некоторые исследователи не появились в книге, но повлияли на мое исследование и мышление, и это — Приянка Карр, Эмили Пронин, Дэрил Ваут, Джули Гарсиа и Дэвид Шерман.

Я бы также хотел выразить особенную благодарность Хейзел Маркус и покойному Роберту Заджонку, чья дружба, поддержка и постоянное желание заниматься вопросами книги и докопаться до самой сути сделали мою книгу значительно лучше, чем она получилась бы в противном случае. Спасибо их дочери, Крисии Заджонк, чей искренний рассказ об опыте

в колледже внес огромный вклад в книгу. Также следует отметить, что ученые тоже люди, и поддержка друзей и коллег Эварта Томаса, Дженифер Эберхардт, Кэрол Двек, Ли Росс, Марка Леппера, Дейла Миллера, Лэрри Бобо, Марси Морган и моих коллег по Стенфордскому центру сравнительного анализа рас и этничности сделала работу лучше, чем она могла бы быть. Еще Кит Вейлуу и Ричард Нисбетт дали полезные комментарии к первым главам книги. Я выражаю благодарность и хочу подчеркнуть, что ни один из этих добрых людей не несет ответственности за ошибки и поспешные суждения, на которые вы, читатель, можете наткнуться.

Я также благодарен моим редакторам в В.В. Нортон — Молли Айзенберг, Джейку Шинделу и снова Роби Харрингтону за их глубокие, часто раскрывающие глаза комментарии, которые помогли книге со всех сторон — эти люди мягко подталкивали и направляли меня к наилучшему исполнению книги. Не меньшая благодарность людям, которые в качестве ассистентов студенческого исследования помогли мне в разных вопросах подготовки рукописи: Хиллари Бергсикер, Метью Джексон и особенно — Эйприл Хаус, которая провела кропотливую работу, собирая ссылки на заключительном этапе подготовки рукописи. Особенно благодарю моего агента Тину Беннет — за то, что она сделала процесс работы гладким и увлекательным.

Исследованию необходимы источники финансирования, и за вклад, который превратил мое исследование в книгу, я всегда буду благодарен Националь-

ному институту психического здоровья за несколько исследовательских грантов и особенно — Фонду Рассела Сейджа и его президенту Эрику Воннеру, который заранее был готов дать ход моему исследованию, и, связавшись с ним, позволил ему дорасти до солидных величин.

Наконец я хотел бы поблагодарить моих коллег в Центре углубленного изучения поведенческих наук в Стенфорде, потому что они проявили ангельское терпение, пока я заканчивал книгу, пренебрегая своими обязанностями руководителя. Терпение питает человеческую доброту, и они действительно добрые друзья и коллеги.

ГЛАВА 1

ВСТУПЛЕНИЕ:

В КОРНЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

1

Я помню, как впервые понял, что я черный. Мне было лет семь-восемь, я шел из школы с соседскими детьми в последний учебный день — перед нами лежало все лето, и я узнал, что «черные» дети не могут плавать в бассейне нашего парка, за исключением дневного времени в среду. Тогда по средам, завязав купальники потуже в полотенце, мы двигались караваном из нашего района к священному бассейну в прилегающем белом районе. Странное еженедельное паломничество. Оно отражает расовый порядок времени и места — Чикаго, 1950-е и начало 1960-х. Для меня состоялось то, что психолог Уильям Кросс называет «встречей» с фактом существования расового порядка. Влияние порядка на мою жизнь казалось огромным — жизнь, в которой можно плавать только днем в среду? Почему? Более того, впер-

ди были новые проявления. Затем я обнаружил, что мы, черные дети, — мы, кстати, жили в одном районе и до той встречи были просто детьми — не могли кататься на роллердроме во все дни, кроме вечера четверга. Мы могли приходить постоянно, но кататься только вечером в четверг. Сегрегацию было трудно не замечать. Ошибки дорого стоили, как например: в возрасте тринадцати лет я приехал к шести утра устраиваться на поле для гольфа носильщиком, прождал весь день, чтобы услышать, что они не нанимают негров. Так я узнал, что я черный. Я не знал, что означает быть чернокожим, но начинал понимать, что ничего хорошего в этом нет.

За десятилетия ретроспективного подхода я пришел к мысли, что понимаю то, что произошло. Я столкнулся ни с чем меньшим, чем с условием жизни: что важно — условием жизни, привязанным к моей расе, к моему черному цвету кожи в то время в том месте. Условие очень простое: *если* я присоединялся к каравану и шел в бассейн в среду днем, *тогда* я проходил; *если* я шел в бассейн в любое другое время, *тогда* я не заходил. Для семи-восьмилетнего меня плохое условие. Но хуже всего не само условие. Например, если бы родители навязали его мне за то, что я не вынес мусор, я не расстроился бы так сильно. Меня убивало, что условие ставится по цвету кожи. Я ничего не мог с этим поделать, и, если черная кожа могла помешать мне плавать, что еще она могла на меня навлечь?

В интервью много лет спустя студент, с которым вы еще встретитесь в книге, описывал мне подобный

опыт. Он был одним из двух белых в группе по афроамериканской политологии, состоящей преимущественно из чернокожих и цветных студентов. Он тоже описал мне условие жизни: если он говорил что-то, что показывало его незнание афроамериканских порядков или затруднение в суждениях, его слова сразу считали расово окрашенными или хуже; если он молчал, то в основном избегал подозрений со стороны одноклассников. Его условие, как мое условие с бассейном, заставляло его ощутить свою расовую принадлежность, свою белизну, в то время в том месте, о чем он раньше не задумывался.

После таких происшествий возникают сложные вопросы. Будут новые условия? Сколько? В каких сферах жизни? Они коснутся важных вещей? Можно их избежать? Их нужно ждать?

Когда я столкнулся с ограничениями в бассейне, они меня заворожили. Откуда они взялись? Условия жизни, связанные с идентичностью, до сих пор поражают меня. Но теперь у меня есть рабочая гипотеза, откуда они берутся. Они происходят из способа, которым общество в данное время в данном месте организовано вокруг некой идентичности — такой, например, как раса. Организация отражает историю места, наряду с продолжающимся личным и групповым соревнованием за возможности и хорошую жизнь. Так, Чикаго был организован вокруг расовости в конце 1950-х и начале 1960-х — строгая сегрегация заселения, де-факто сегрегация в школах, дискриминация при трудоустройстве и так далее: то есть чернокожие

в то время в том месте имели множество ограничительных условий жизни, привязанных к их самосознанию. Пожалуй, меньшее из них касалось ограничения в бассейне днем в среду, которое так волновало семи-восьмилетнего меня.

Книга посвящена тому, что я и мои коллеги называем личной индификация¹ — то, с чем вы столкнетесь, потому что вам присвоена социальная идентичность, потому что вы — старший, молодой, гей, белый, — мужчина, женщина, черный, латиноамериканец, консерватор или либерал, больной биполярным расстройством, раковый больной и так далее. В целом, личная индификация — это обстоятельства, с которыми вам приходится сталкиваться, если вы хотите получить то, что вам хочется или нужно. В Чикаго моей юности, чтобы поплавать, мне приходилось ходить в бассейн в среду днем. Вот и зависимость. На паре по афроамериканской политологии участник моего интервью испытывал дополнительное напряжение — так как его невежество могло привести к серьезному неодобрению. И в этом тоже зависимость. Что роднит их между собой и делает личной индификацией? Это тот факт, что люди, столкнувшиеся с этими обстоятельствами, были вынуждены иметь с ними дело, потому что в сложившейся ситуации имели определенную социальную идентичность. Другие люди в той ситуации с ними не столкнулись, кроме тех, кто разделял ту же социальную идентичность. В данной книге личная индифика-

¹ identity contingencies

ция будет рассмотрена с точки зрения роли в нашей жизни, в более широком обществе и в некоторых наиболее застарелых проблемах.

Сейчас наше общество, конечно же, индивидуалистично. Мы не любим думать, что условия, навязанные нам социальной идентичностью, имеют некое право голоса в нашей жизни, особенно, если мы этого не хотим. У нас есть кредо. Когда появляются препятствия, предполагается, что мы прорвемся сквозь бурю, держась за соломинку. Я должен причислить себя к обладателям подобного кредо. Но в книге вы найдете важное уточнение: накладывая на нас определенные жизненные условия, наша социальная идентичность сильно влияет на такие важные вещи, как успеваемость на уроке или в стандартизированных тестах, на нашу емкость памяти, наши физические результаты, давление, которое мы ощущаем, отстаивая себя, даже уровень комфорта при общении с людьми из разных групп — на все, что мы обычно считаем результатом наших личных талантов, мотивов и предпочтений.

Цель данной книги состоит в том, чтобы по меньшей мере пролить свет на эту малопонятную часть общественных реалий. Я надеюсь убедить вас, что игнорировать ее — например, позволяя нашему кредо индивидуализма оттолкнуть ее в тень, — обойдется нам дорого для нашего личного успеха и развития, для качества жизни в обществе и мире, где идентичности разнообразны, для нашей способности исправить негативные способы, которыми идентичность все еще влияет на распределение результатов в обществе.

Как личная индификация влияет на нас? Иногда она ограничивает наше поведение вполне буквально, например, в пользовании общественным бассейном. А иногда не менее мощно, но более тонко действует, не ограничивая нас на деле, но представляя невидимую угрозу.

}

В центре внимания книги лежит особенный тип личной индификации — угроза подтверждения стереотипа. Я считаю, что угроза подтверждения стереотипа представляет собой стандартное жизненное затруднение. Оно проистекает из человеческой тяги к интересубъективности — факта того, что мы как члены общества имеем неплохое представление о мнении других членов нашего общества относительно множества вещей, включая основные группы и идентичности в обществе. Мы все могли бы достать лист бумаги, написать основные стереотипы касаясь данных идентичностей и получить высокое совпадение в том, что мы записали. Значит каждый раз, когда мы попадаем в ситуацию, в которой плохой стереотип об одной из наших идентичностей может быть применен к нам — например, старый, богатый, бедный или женский, мы знаем об этом. Мы знаем о том, что подумают люди. Мы знаем, что все, что мы делаем, что попадает под рамки стереотипа, только подтверждает его. И мы знаем, что по этой причине нас будут судить и к

нам будут относиться соответственно. Поэтому я полагаю, что стереотипы являются стандартным человеческим затруднением. В той или иной форме — будь то угроза подтверждения стереотипа о потере памяти или холодности по отношению к окружающим — они встречаются в жизни каждого из нас, иногда по нескольку раз на день.

И эта угроза так же как и ограничение в бассейне, связана с идентичностью. Она есть в любой ситуации, к которой применим стереотип. Значит, она следует за членами стереотипизированной группы, как воздушный шар над их головами. И ее трудно отогнать.

Посмотрите на опыт Брента Стейплза, теперь колумниста «Нью-Йорк Таймс», но тогда просто выпускника психологического факультета Университета Чикаго, молодого мужчину афроамериканца, который в свободной студенческой одежде идет по улицам в округе чикагского Гайд-парка. Вот его собственные слова:

— Я стал экспертом по языку страха. Пары крепче брались под руки или хватались за руки при виде меня. Некоторые переходили на другую сторону улицы. Разговаривающие люди замолкали и смотрели прямо перед собой, будто избежав моего взгляда, они могли спастись.

Я был дураком. Я ходил по улицам и с улыбкой желал доброго вечера людям, которые до смерти меня боялись. Я творил насилие самим своим присутствием. Как мне этого не хватало...

Я пытался стать безвредным, но не знал как. Я начал избегать людей. Я сворачивал со своего пути

в переулки, чтобы избавить их от впечатления, что к ним подкрадываются... Нервничая, я начал свистеть и понял, что у меня хорошо получается. Мой свист лился чисто и приятно и складывался в мелодию. На ночных улицах я насвистывал известные мотивы «Битлз» и «Времена года» Вивальди. Напряжение покидало людей, когда они слышали меня. Некоторые улыбались, проходя мимо в темноте.

Стейплз столкнулся с фантомом — плохим стереотипом его расы, который реял на улицах Гайд-парка — стереотипом, что молодой афроамериканец в этом районе склонен к насилию. Представители других групп в иных ситуациях могли столкнуться с новыми стереотипами — вместо склонности к насилию, например, отсутствие математических способностей, но их затруднения были бы аналогичны. Попадая в ситуации, когда к ним применяли стереотипы, они понимали, что одно неверное движение могло поставить их в рамки стереотипа с соответствующим ему мнением и отношением. Такова угроза подтверждения стереотипа, личная индификация в таких ситуациях.

Тем не менее, как обнаружил Стейплз, способ отвлечения существовал. Стейплз насвистывал музыку Вивальди, по его собственному признанию, довольно хорошо. Чем ему это было полезно? Улучшилось ли его отношение к окружающим на улице, стал ли он более понимающим? Наверное, нет. Но то, что он делал, изменило ситуацию, в которую он попал. И как

прекрасно этот пример иллюстрирует природу угрозы подтверждения стереотипа. Одним махом он делал стереотип о склонных к насилию афроамериканцах менее применимым к себе лично. Он продемонстрировал знание белой культуры, даже «высокой белой культуры». Люди на улице, возможно, не узнавали Вивальди, но они понимали, что он насвистывает классическую музыку. Вряд ли отдавая себе отчет, они переставали смотреть на него через призму стереотипа о склонности к насилию. Он казался менее грозным. Люди не знали, кто он, но они знали, что его не нужно бояться. Страх исчезает из их поведения. Стейплз расслабляется. Висящий над ним стереотип изгнан. Перемена в поведении прохожих и его собственном поведении показывает силу, которую простой стереотип, парящий в воздухе как облако, собирающее историю страны, оказывал на всех.

Пример с Вивальди посвящен опыту живущих в тени подобного облака — это опыт каждого из нас и роли, которую такие облака играют в формировании наших жизней и общества.

}

Предположим, вас пригласили в психологическую лабораторию и попросили сыграть десять конов в гольф на мини-поле, расположенном в маленькой комнате. Предположим, вы — молодой белый студент, довольно атлетично сложенный. Теперь предположим, что, как